

Подумав об этом, она почувствовала себя еще более неприятно. Ей не хотелось тратить на него слова, и она прямо спросила:

— Ты нашел его?

Глаза Янь Сяожаня чуть шевельнулись, и наконец его взгляд упал на нее.

Син Жаньгэ сейчас была лишь культиватором на стадии Зарождающейся Души. Даже несмотря на то, что Янь Сяожань не высвобождал свою давящую ауру полностью, от одного такого взгляда ей показалось, будто на грудь внезапно рухнули мириады тяжелых гор.

Янь Сяожань слегка приоткрыл тонкие губы, и его голос прозвучал так отрешенно и бесплотно, будто говорил бессмертный:

— Кто сказал тебе, что я нашел его?

Син Жаньгэ прикусила белые зубы и недовольно произнесла:

— Господин Сяожань добрался до Города Лянъи и тут же повернул обратно. Если ты не нашел человека, с чего бы тебе прекращать путь в Мир Демонов?

Погодите-ка... Цзин Фаньшэн в облике маленького деревца чувствовал себя несколько сбитым с толку.

Что-то атмосфера здесь совсем не та!

Син Жаньгэ была дочерью старого главы Дворца Сяосян, невестой Цзин Фаньшэна по первоначальному сюжету, а также одной из самых популярных героинь романа Бедствие демонов в мире.

Той самой девушкой, о которой говорилось ранее, что впоследствии очаруется главным героем, бросит пушечное мясо в лице Цзин Фаньшэна и добровольно пополнит гарем Янь Сяожаня. Разумеется, в первоисточнике она также являлась женщиной, о которой Цзин Фаньшэн тосковал всеми помыслами и которую в самом конце мог лишь искренне благословлять на счастье.

Цзин Фаньшэн отчетливо помнил, что во время облавы на Городок Покорения Демонов Син Жаньгэ тоже принимала в ней участие. Причем, стремясь поддержать образ популярной героини, автор уделил ее душевным терзаниям в тот момент весьма подробное описание: часть из них составляло чувство вины перед преданным ею Цзин Фаньшэном, часть — поддержка любимого мужчины, а еще часть — свойственное самой героине стремление вершить правосудие и нетерпимость к малейшей грязи в глазах, побуждающие искоренять демонов и защищать Путь. Короче говоря, как бы Син Жаньгэ ни терзалась сомнениями, в конце концов она все же присоединилась к карательной экспедиции против Цзин Фаньшэна.

Разумеется, по какой-то причине, о которой сам Цзин Фаньшэн не имел ни малейшего понятия, в тот год, когда он угодил в засаду в Городке Покорения Демонов, Син Жаньгэ среди нападавших не оказалось. На самом деле, хоть она и считалась героиней с огромным количеством сцен, но поскольку из сюжета Цзин Фаньшэн уже успел уяснить жесткость и бездушие этой женщины по отношению к бедняге-пушечному мясу, то после перерождения в теле Цзин Фаньшэна он уже никак не мог проникнуться к ней симпатией.

Хотя она действительно была писаной красавицей.

Но в этом мире красавиц водилось столько, что Цзин Фаньшэн считал: ему вовсе не обязательно связываться непременно с этой особой.

Словом, хотя они и были обручены, за несколько сотен лет у Цзин Фаньшэна так и не сложилось о Син Жаньгэ какого-то глубокого впечатления.

Но что, черт возьми, происходит сейчас?!

Со времени грандиозного переворота пятнадцатилетней давности Цзин Фаньшэн был уверен, что этот мир и впрямь развивался строго по сюжету романа.

Он-то думал, раз он сам — элемент, нарушивший правила мироздания, — столько лет провел в неизвестности и с подмоченной репутацией, то и Господин Сяожань, постепенно в этот период достигавший вершин силы, наверняка успел приударить за немалым количеством девиц.

Но куда подевалось то самое сладостное взаимопонимание и зародившиеся тайком чувства, о которых все говорят?! И что это за взрывоопасная атмосфера накала страстей? Господин Сяожань, тебе не кажется, что давить своей аурой на одну из главных героинь гарема — это уже перебор?!

Цзин Фаньшэн считал себя человеком чрезвычайно нежным и трепетно относящимся к женской красоте. Даже видя девицу, которая в будущем его бросит, он все равно не мог отделаться от мысли, что происходящее — слишком жестоко, стоило лишь представить, что ее вот-вот раздавит так, что она изо рта кровью выплунет.

Янь Жаньсянь же по-прежнему ледяным тоном произнес:

— Ты всё это время присылала людей следить за мной.

Он не спрашивал, а говорил с абсолютной уверенностью в голосе.

Облик Син Жаньгэ по-прежнему сохранял благородную осанку и достоинство, но голос ее уже звучал с большим трудом, и она упрямо бросила:

— Ну и что с того?

Янь Сяожань заложил руки за спину.

— Хотя Дворец Сяосян и мой орден Улянцзянь нечасто поддерживают связи, до разрыва отношений дело еще не дошло... Знает ли твой уважаемый отец о том, что ты подслала людей следить за главой целого ордена?

Лицо Син Жаньгэ побледнело, и она упрямо выпалила:

— Ну и что! Стоит лишь отыскать Цзи... Стоит лишь найти его, выяснить все от начала до конца и вернуть ему доброе имя, и мой отец тоже не станет меня винить!

Цзин Фаньшэн в облике маленького деревца в этот момент окончательно остолбенел. Теперь он находился совсем близко к обоим и отчетливо видел выражение легкой боли и надежды на лице Син Жаньгэ.

Погодите-погодите.

Это что, не тот сценарий выдали? Или он угодил вовсе не в тот мир?

Неужели его усилия на протяжении тех сотен лет и вправду не пропали даром? С какой стати героиня, по канону терявшая разум при одном взгляде на главного героя и готовая защищать его без всяких условий, сейчас ополчилась против главного героя ради него самого? К тому же, судя по всему, все эти годы она, в отличие от остальных, не гонялась за ним по всему свету с целью убийства, а напротив, повсюду его разыскивала?

И еще: Господин Сяожань, ты случаем не слишком ли суров к женскому полу? В первоисточнике ты хоть и ходил вечно с каменным лицом, но перед красивыми девицами твое мастерство сладких речей всегда достигало предела, да и обходился ты с ними предельно нежно! В месте, где Цзин Фаньшэн не мог его видеть, Янь Сяожань по-прежнему сохранял бесстрастное выражение лица, однако его оценивающий взгляд неизменно заставлял Син Жаньгэ чувствовать себя так, словно она — шутовская забава.

Глядя на чуть презрительное выражение лица и взгляд Янь Сяожаня, Син Жаньгэ возмущенно произнесла:

— Тогда почему ты сам ищешь его? Будучи главой целой секты, ты годами не сидишь в горах, ты...

— Это тебя не касается, — наотмашь перебил ее Янь Сяожань.

Если подумать, Син Жаньгэ была даже немного старше Янь Сяожаня, однако в его тоне слышалось поучение, словно он отчитывал какого-то младшего.

Син Жаньгэ мгновенно остолбенела.

Будучи единственной дочерью старого главы Дворца Сяосян, она с малых лет была окружена всеобщим трепетом, любовью и поддержкой. Прожив несколько сотен веков, она редко сталкивалась с подобным отношением.

Однако сейчас она не могла одолеть его в бою, а перед ней стоял лидер целой секты, так что поделаться она ничего не могла. Ей оставалось лишь прямо заявить:

— Скажи мне, нашел ты в итоге Цзин Фаньшэна или нет? Предупреждаю, даже не думай меня обманывать — я всё видела в том переулке! Говори, тот человек — это он или нет?

Янь Сяожань остался непреклонен:

— Если вторая госпожа Син считает, что это он, вольна сама отправиться на поиски. Зачем спрашивать меня?

— Я... у меня с ним нет таких близких отношений, как у тебя... — произнося это, Син Жаньгэ невольно ощутила некоторую неловкость.

Хотя именно она была помолвлена с Цзин Фаньшэном и приходилась ему несостоявшейся женой.

В те годы глава горы Чунмин и ее отец состояли в прекрасных дружеских отношениях, поэтому с самого детства у нее был заключен брачный союз со старшим учеником во главе ордена горы

Чунмин — Цзин Фаньшэном.

Но именно из-за того, что она являлась его невестой, а за спиной каждого из них стояла крупная секта, они не могли видаться так непринужденно, как обычные культиваторы... Из соображений приличия они старались избегать излишних встреч. Напротив, в прошлом Янь Сяожань поддерживал с Цзин Фаньшэном прекрасные отношения, и создавалось впечатление, будто они всегда были неразлучны и невероятно близки.

— Нет.

— Что ты сказал?

Янь Сяожань посмотрел ей прямо в глаза и повторил:

— Я сказал, что тот человек — не он.

Его лицо, обычно лишённое всяких эмоций, в этот момент странным образом отражало разочарование и тоску. У него и без того были красивые черты лица, и даже легкая уязвимость на них невольно пробуждала в чужом сердце жалость и нежную привязанность.

— ...Правда не он? — Тщательно взглядевшись в его выражение лица и не заметив фальши, ошеломленно переспросила Син Жаньгэ.

Это чувство напоминало состояние, когда долгожданное и добытое с таким трудом сокровище ускользает из рук прямо перед самым моментом обладания, заставляя человека испытывать горькую утрату.

Но на этот Александр... то есть Янь Сяожань больше не проронил ни слова.

Его выражение лица говорило само за себя.

Господин Сяожань, всегда ледяной и держащийся от всех на расстоянии, мог продемонстрировать такое лицо ради того человека. Увидев это, Син Жаньгэ мысленно изумилась.

Хотя в своих поступках она привыкла действовать своевольно, не считаясь с последствиями, и славилась в мире культиваторов своей своенравностью и капризным нравом, прожив уже несколько сотен лет, она давно перестала быть маленькой девочкой.

В нынешние времена, стоило кому-нибудь в землях культиваторов упомянуть Цзин Фаньшэна, как на лицах неизменно застывало выражение непреодолимого желания искоренить зло и восстановить справедливость. Но выражение Янь Сяожаня ясно показывало...

— Ты... неужели ты... — Син Жаньгэ даже не находила слов.

Они некоторое время молча стояли друг напротив друга, но Янь Сяожань не выказывал ни

малейшего намерения опровергнуть то, что она не решалась произнести вслух.

Син Жаньгэ подумала, что ее попытка использовать Янь Сяожаня для поисков Цзин Фаньшэна была равносильна тому, чтобы самой отдать овцу пастись тиграм.

Раз Цзин Фаньшэна здесь не оказалось, пожалуй, лучше вернуться пораньше, отправить побольше людей на тщательные поиски и непременно отыскать его раньше, чем это сделает другой...

— Раз его здесь нет, я тогда откланяюсь. Господин Сяожань, еще увидимся.

Янь Сяожань кивнул, и к нему вернулась безупречная вежливость — словно секунду назад это не он обрушивал давящую ауру на женщину-культураторшу со станцией Зарождающейся Души, которая была лишь немногим старше его самого:

— Передавай от меня привет старому господину дворца и твоему старшему брату.

Син Жаньгэ сложила руки в приветственном жесте, вновь призвала летающий меч и, резко развернувшись, мгновенно исчезла.

Янь Сяожань так и остался стоять неподвижно.

Увидев, что Син Жаньгэ улетела невредимой, Цзин Фаньшэн немного расслабился. Атмосфера до этого была слишком тяжелой и странной.

Однако стоило ему вспомнить, что в этой роще остались только он и господин Сяожань, как на сердце вновь закралась тревога, затмившая даже недавнее потрясение от нового открытия.

В конце концов, уровень культивации господина Сяожаня далеко превосходил его собственный. И хотя Цзин Фаньшэн был уверен в том, что его не обнаружат, он всё равно опасался любых неожиданностей.

Поэтому, когда он тайком продвигался сюда, он выбрал направление, противоположное тому, куда был обращен Янь Сяожань, и теперь мог разглядеть лишь его высокую и прямую спину.

Как бы то ни было, Янь Сяожань спровадил Син Жаньгэ, избавив его от одного преследователя, и Цзин Фаньшэн всё же почувствовал некоторое облегчение. Хотя на самом деле та девушка вовсе не желала ему зла, от подобных мыслей становилось ужасно совестно перед красоткой, которая всё это время так искренне о нём тосковала.

Но всё же... этот мир в конце концов принадлежал Янь Сяожаню.

То, что Син Жаньгэ до сих пор не могла его забыть, казалось Цзин Фаньшэну вполне понятным. Как-никак, в своё время он был человеком, единолично задававшим моду на протяжении нескольких сотен лет; было бы противоестественно, если бы люди так просто вычеркнули из памяти его несравненный облик.

Возможно, целая толпа мужчин, включая его бывших закадычных дружков, только и мечтала о том, чтобы прикончить его, но, по его мнению, прелестные девушки всегда оставались мягкими и нежными, словно вода. Было вполне естественно, что они не питали к нему кровожадной жестокости.

Однако Цзин Фаньшэн не был настолько самовлюблён, чтобы верить, будто Син Жаньгэ станет вечно рыскать по всему свету в его поиски и доказывать его невиновность.

Кто знает, может быть, сегодняшняя сцена — это прекрасная возможность для сближения главного героя и главной героини? Разве он только что не видел, как Янь Сяожань неподвижно стоял на месте, неотрывно глядя вслед удаляющейся девушке?

Если подумать с этой точки зрения, всё вставало на свои места. В конце концов, по воле автора, его роль сводилась не просто к пушечному мясу, а к ступени для восхождения главного героя.

Преданная и верная героиня пятнадцать лет разыскивает своего жениха, специально отправляет людей тайком следить за главным героем, чтобы доказать его невиновность, но в итоге попадаетея главному герою, тронутому её прекрасной преданной натурой настолько, что у него возникают к ней чувства... Ну не абсурдный ли это и избитый штамп?!

Морская свинка ты этакая, кошачий корм! Неужели ты не могла не использовать роль этого пушечного мяса столь исчерпывающим образом? Мало того, что меня заставили работать трамплином, так ещё и всю работу свахи для главных героев повесили на мою бедную голову!

Янь Сяожань долго стоял на месте без движения.

Настолько долго, что успевший полностью предаться бурным фантазиям Цзин Фаньшэн решил, будто тот давно его раскусил и теперь просто ждёт, пока он сам вылезет с повинной. В конце концов, девушка ушла уже очень давно, и её силуэт давно скрылся из виду.

Маленькое деревце почти без ветвей и листьев слегка качнулось, словно от порыва ветра.

Цзин Фаньшэн беззвучно вздохнул, думая про себя: как же всё переменялось, как же всё переменялось. Когда-то и Янь Юань был пухленьким, простодушным и забавным мальчишкой, который вился вокруг него с утра до вечера и так звонко и радостно выкрикивал каждое «брат Цзин»!

Кто бы мог подумать, что теперь Янь Юань снова бежит за ним по пятам, вот только роли поменялись. Теперь Янь Юань преследовал его вовсе не для того, чтобы ухватиться за подол и искать защиты — напротив, теперь он сам, стоило ему лишь завидеть величественного господина Сяожаня, испытывал непреодолимый импульс пасть ниц в поклоне...

Пока Цзин Фаньшэн предавался подобным мыслям, Янь Сяожань наконец шевельнулся. Он не стал взлетать в небо, чтобы вернуться в город, а зашагал пешком по направлению к Городу Ючжоу.

Когда они поравнялись, ветки Цзин Фаньшэна от испуга задрожали ещё сильнее.

К счастью, господин Сяожань действительно его не заметил. Однако исходившие от него волны холода и прохладный аромат заставили Цзин Фаньшэна невольно вздрогнуть.

Проводив его взглядом, Цзин Фаньшэн снова повернулся лицом к стволу деревца и, рискуя

головой, принялся украдкой подглядывать.

Широкие плечи, прямая спина — силуэт господина Сяожаня по-прежнему оставался величественным.

Но неизвестно почему, стоило взглянуть на эту картину, как на душу сами собой наваливались тоска и одиночество.

Подождав, пока Янь Сяожань удалится, Цзин Фаньшэн встряхнул ветвями и уже собирался вернуть себе истинный облик, как вдруг почувствовал, что с противоположной стороны леса кто-то приближается.

Что за день сегодня такой? неужели он и впрямь обладал легендарным телосложением демона бедствий, к какому бы месту ни направился — везде жди неприятностей?

Цзин Фаньшэн с одной стороны размышлял о вероятности такого исхода, а с другой — инстинктивно хотел почесать в затылке, вот только сделать это сейчас было нечем.

Успех его маскировки, которую не смог распознать даже Янь Сяожань, придала Цзин Фаньшэну уверенности. Раннее утро лучшему времени рознь, подумал он. Почему бы снова не сунуться в самую гущу событий? И он стал медленно передвигать корни под землёй, направляясь туда, откуда доносились голоса.

Спустя какое-то время он заметил несколько человеческих фигур.

Подойдя ближе, Цзин Фаньшэн смутно припомнил, что эти лица кажутся ему знакомыми. Когда же удалось разглядеть их одежды, его осенило: да это же те самые проводники-телохранители, которых он видел в трактире!

Каждый из них держал по лопате и усердно перекапывал землю.

Видимо, опасаясь поднять слишком много шума, они копали вручную, не прибегая к духовной силе для перемещения пластов почвы.

Цзин Фаньшэну стало любопытно, и он мысленно прикинул: судя по их словам, эти люди действительно должны были войти в Город Ючжоу именно с этой стороны.

Однако Син Жаньгэ и Янь Сяожань только что, убегая и преследуя друг друга, в мгновение ока преодолели расстояние в сотню ли, а это место находилось еще далеко от Города Ючжоу. Зачем им понадобилось приходить сюда и рыть ямы?

Не успел Цзин Фаньшэн поломать над этим голову, как один из свирепых на вид телохранителей сплюнул и выругался:

— Черт знает, этот маленький монах и впрямь тупица или притворяется! Знали бы раньше — ни за что бы не брали его с собой!

Другой крепкий амбал подхватил:

— Кто бы мог подумать, что мы еще даже не доберемся до Города Ючжоу, а уже столкнемся с шайкой из Ордена Улянцзянь? Хорошо еще, что они оказались сопливыми пацанами, простодушными и глуповатыми, а не то из-за длинного языка этого тупого монаха мы бы давно провалились!

— Хватит болтать! Раз уж нас угораздило пересечься с людьми из Ордена Улянцзянь и они увязались за нами на гору, этот груз придётся доставить до конца. Живо откапывайте вещи! Смотрите, чтобы тот мелкий монах не хватился нас в повести!

Худой мужчина с нервным видом поскрёб в затылке и заныл:

— Старший брат... но ведь весь этот груз — сплошь ценные материалы для создания артефактов, если продать их на стороне, можно выручить кучу денег. Мы что, и вправду от них откажемся?

— А что по-твоему нам оставаться делать? Теперь люди из Монастыря Ваньсян и Ордена Улянцзянь увязались с нами попутчиками, ты что, хочешь, чтобы я отыскал кого-то вроде Цзин Фаньшэна инсценировать ограбление?

Услышав это, Цзин Фаньшэн наконец полностью уловил предысторию сегодняшнего фарса.

Другой телохранитель тоже заговорил:

— Верно! И зачем только мы тогда сболтнули тому лысому чертенку, будто добро цело? Сказали бы сразу, что всё отобрал Цзин Фаньшэн, и дело с концом! Раз уж груз не утерян, нам хочешь не хочешь придется предъявить его по прибытии на Гору Улян...

Худой мужчина возразил:

— По законам охранных агентств: пока цел груз — жив ты, пропал груз — нет и тебя. Нас тут целая толпа целёхоньких стоит, по-твоему, кто поверит, что нас ограбили?

Один из громил простодушно усмехнулся:

— Хе-хе, первый раз тяжело, второй — привычно, а на третий уже рука набита!

Цзин Фаньшэн мысленно закатил глаза:

— Ты что, меня ещё трижды свалить в грязь собрался?!

Если бы не тот факт, что среди этой шайки затесался практик на поздней стадии Зарождающейся Души, да и остальные обладали далеко не слабой силой, Цзин Фаньшэн непременно выскочил бы прямо сейчас и отлупил их до неузнаваемости!

Уж не год ли выдался неудачным, или в банде и впрямь наступил кадровый кризис, но эти телохранители решили наплевать на собственную репутацию и занялись воровством под носом у хозяев. Да ещё и возомнили себя хитрецами, решив повесить всех собак на него.

Если подумать... впрочем, идея-то и впрямь была неплоха, с ехидством отметил про себя Цзин Фаньшэн.

Эти жулики намеренно придали себе жалкий вид. А поскольку сейчас развелось столько желающих вершить правый суд и совать нос в чужие дела, они непременно должны были повстречать парочку любопытствующих, которые стали бы расспрашивать об их злоключениях. Тут-то охранники и подхватили бы удобную тему, сначала подготовив почву рассказом о демонах и нечисти, позарившихся на их груз, и свалив всю грязную работу по очернению на его голову.

В конце концов, сам Цзин Фаньшэн исчез больше десятка лет назад, действовал скрытно, а

слава за ним тянулась дурная — как заядлого еретика и злодея. Стал бы кто-то проверять правдивость слов каких-то телохранителей?

Пропажа груза — вина агентства. А раз товар потерян, то и сами охранники вроде как погибли, после чего они спокойно забирают добро и растворяются в тумане. А когда через несколько лет шумиха уляжется, можно будет завести новые личины — благо уровень культивации останется при них, а с ним почёт и уважение найдутся в любом месте.

Эти люди рассуждали на редкость здраво. Они планировали загодя распустить слухи о том, как Цзин Фаньшэн рыщет повсюду и грабит караваны.

Только вот они, судя по всему, не учли, что в процессе распускания слухов им попадётся чересчур прямолинейный монах из Монастыря Ваньсян, который, услышав о преследованиях со стороны Цзин Фаньшэна, упёрся и пожелал идти с ними одной дорогой. А затем их ещё и люди с Горы Улян перехватили, отчего процессия разрослась донельзя... и перспектива «ограбления» стала таять на глазах.

В конце концов, если бы добро осталось в целости, а на пути от Ючжоу до Горы Улян больше не встретилось ни единого разбойника, по прибытии на место им пришлось бы предъявить груз.

Один из телохранителей подтвердил:

— И правильно, что мы решили не трогать добро людей с Горы Улян. Я слышал, их глава вечно ходит с ледяной рожей, да и сила у него такая, что лучше с ним не связываться.

— А у тебя нервы крепкие! — бросил тощий телохранитель. — То, что господин Сяожань годами странствует вне секты и не вмешивается в мирские дела, знает весь белый свет. К тому же, подумаешь, какая-то мелочь! Для нас это сокровища, а для этого почтенного старца — пыль под ногами, он и взглядом на них не оскорбится.

Самый дюжий амбал, которого те называли главой, явно тоже затаил обиду и раздражённо спросил:

— И что же нам теперь делать, по-твоему?

Пока они так рассуждали, те самые коробки из красного дерева с драгоценными материалами постепенно показались из земли.

Глядя на заветные сокровища, охранники облизывались еще сильнее.

Тот самый худоватый телохранитель сглотнул слюну и предложил:

— Глава, по моему разумению, силы у этого монаха и детишек невелики. Давайте не будем мелочиться — гулять так гулять, прикончим-ка их разом...

Голос его упал почти до шёпота, и Цзин Фаньшэну пришлось изо всех сил вытянуть ветви, чтобы расслышать слова. Впрочем, даже без слов, заметив характерный жест ребром ладони, он прекрасно понял, что именно те задумали.

Амбиции, дальновидность и смелость у них имелись... вот только с удачей вышла заминка.